Ирина Александровна ЧУДОВА
Михаил МАЛЬЦЕВ

КВАЗИМЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Irina A. CHUDOVA
Mikhail MALTSEV

QUASIMETAPSYCHOLOGICAL DISCOURSE: KEY FEATURES AND RHETORIC MEANS

Социокультурные тенденции постмодерна ставят перед индивидом достаточно интересную, но в то же время трудную задачу – сконструировать идентичность в условиях быстро изменяющегося мира, в котором граница между истинным и ложным, экспертным и профанным, аксиоматичным и гипотетическим знанием становится все более размытой, а на дискурсивную арену выходят новые игроки, выступающие в качестве альтернативы имеющимся когнитивным практикам. Ансамбль новых, характерных для постмодерна «сильных» типов дискурса в своей риторике обещает трансформацию устоявшейся картины мира и, как следствие, метаморфозу познающего субъекта: «каждый получает то, что выбирает. Вы имеете право выбирать именно потому, что бесконечность вариантов уже существует. Вам никто не мешает выбрать себе судьбу по душе. Все управление судьбой сводится к одной вещи – сделать выбор» (Зеланд 2017). Очевидно, одна из проблем сегодняшнего общества – донесение и распространение экспертного знания, сосредоточенного в руках научных институтов и требующего значительных издержек, связанных с освоением категориального аппарата дисциплины и авторизацией в сообществе просвещённых специалистов. Так, препятствия на пути приобщения субъектов к научному знанию и сложности его верификации становятся отправной точкой для возникновения паранаучных систем, которые, удовлетворяя запросам массовой аудитории, разрабатывают свои концептуализации в противовес институционализированному научному знанию. Генерируя собственный тип дискурса, паранаука служит индивиду поставщиком интерпретаций для ответов на вызовы повседневной жизни. Далее в тексте предпринята попытка изучения приёмов, артикулирующих так называемые квазиметапсихологические дискурсы, которые соединяют эзотерическое и научное знание, транслируют представления об организации жизненного сценария посредством артикуляции схем поведения и изменяют расстановку сил в области символического консьюмеризма. Деперсонифицированный, удалённый формат оказания услуг приводит к росту армии адептов, концентрирующихся вокруг определенных доктрин, что иллюстрирует принцип функционирования «экономики трансцендентности» (Бауман, 2005). В российском контексте об этом свидетельствует уверенное присутствие на книжном рынке работ, затрагивающих вопросы «личностного развития» и «восприятия реальности», в списке бестселлеров,

а также публикация продолжений уже известных серий.

Исследовательский интерес вызывают специфика артикуляции квазиметапсихологического дискурса, свойственные ему риторические приёмы и содержащиеся в нём элементы идеологий. Информационная база исследования включает серию книг В. Зеланда «Трансерфинг реальности» и «Диагностика кармы» С. Лазарева, книги В. Синельникова «Возлюби болезнь свою» и Д. Леушкина «Турбо-суслик». Изучение дискурса проводится по трём измерениям: на текстовом уровне описываются лингвистические аспекты, на дискурсивном уровне в ракурсе читательского восприятия анализируются семиотические события, а также изучаются комбинации воплощенных в тексте дискурсов (интердискурсивности), на уровне социальной практики освещается дискурс в контексте его распространения.

Идеология как потребность в иллюзии

В начале своего аналитического фильма «Киногид извращенца» С. Жижек недоумевает, почему в фильме «Матрица» главный герой должен выбирать между двумя таблетками, служащими водоразделом между реальным и иллюзорным. Говоря о Матрице как о машине иллюзий, С. Жижек утверждает, что мистификация и символические фикции суть неотъемлемые элементы регулирования реальности, а изъятие этих элементов влечёт за собой её исчезновение. Становясь добровольным участником той или иной мистификации, индивид интернализирует символический набор, организующий его мировосприятие. Экзистенция человека ставит перед ним трудную задачу преодоления когнитивного люфта – свободного от означивания пространства, создающего состояние дисбаланса и сохраняющего дистанцию между субъектом и идеологией. Однако парадокс в том, что «бытие, устойчивое ровно в той мере, в какой оно оказывается искаженным и упущенным: как только мы видим его таким “как оно есть на самом деле”, это бытие обращается в ничто или, точнее, трансформируется в действительность другого рода» (Жижек 1999: 36). Пребывая в так называемой фазе «незнания», человек способен «наслаждаться своим симптомом» до тех пор, пока он остаётся недоступным для интерпретации, так как момент его существования ограничивается «незнанием» (Жижек 1999: 28). Идеология – «это по самой своей сути фантазматическая конструкция, служащая опорой для нашей “действительности” и маскирующая невыносимую, реальную, непостижимую сущность», то есть приобщение к одной из идеологий может быть охарактеризовано как эскапизм индивида в мире «текучей современности» (Жижек 1999: 52).

Постмодерный теоретический ракурс позволяет рассматривать идеологию не только в качестве движущей силы, обусловливающей существование макросоциальных образований, но и как неотъемлемую часть творчества отдельных скрипторов, артикулирующих собственные образцы дискурса. «Для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа – частота, с которой теперь в этом числе появляются существительные, некогда выступавшие только в единственном» (Бауман 1994: 74). Теперь идеологии имеют более персонифицированную,

ненавязчивую специфику и состязаются в привлечении индивидов (в нашем случае - читателей), подстраиваясь под запросы нового времени: «с насущными нуждами … теперь справляется рынок, который ничего так не боится, как единообразия склонностей, вкусов и верований» (Бауман 1994: 74).

Квазиметапсихологический дискурс: к содержанию понятия

Анализ требует обращения к краеугольному камню данного исследования – понятию «квазиметапсихологический дискурс». Во-первых, «метапсихология» – достаточно известный термин в философии и методологии науки. Привлечённая для работы с абстрактными категориями, метапсихология снабжает дисциплину (психологию) значимыми для её существования концептуализациями и разрабатывает язык, абстрагированный от индивидуального опыта. Одну из наиболее известных коннотаций метапсихология приобрела в рамках фрейдистской психоаналитической парадигмы, где служила «средством установления системы координат для клинических данных и психоаналитических положений более низкого уровня» (Мур 2000). Во-вторых, по задумке авторов, префикс «квази-» указывает на «маргинальный» статус изучаемого дискурса в научном сообществе как истеблишменте, имеющем монополию на истину. В ситуации появления новых доктрин, синтезирующих различные виды знания за пределами официально признанных инстанций, насаждаемый квазиметапсихологическим дискурсом фантазм завладевает читателем как субъектом постмодерна, который вынужден отвечать на новые повседневные вызовы и защищаться от воздействия разрывающих идентичность начал. Квазиметапсихологический дискурс мы называем «сильным», подразумевая его популярность и востребованность и указывая на исследовательский интерес к специфичному сочетанию присущих ему риторических приемов и идеологем.

Р. Барт выделял две группы языков, которые олицетворяют собой семиотическую конфронтацию между различными системами знания. Первые – энкратические виды дискурса – являются продуктом массовой культуры и «получают свои характерные черты в свете (или под сенью) Власти, ее многочисленных государственных, социальных и идеологических механизмов» (Барт 1989). По другую сторону располагаются антагонистично настроенные по отношению к ним акратические языки (акратические виды дискурса), которые «вырабатываются, обретаются, вооружаются вне Власти и/или против нее» (Барт 1989). Можно предположить, что «сила» дискурса заключается в том, что он энкратичен и идеологичен по содержанию, однако преподносится читателю в качестве своего антипода – дискурса акратического и утопического. Для более подробной экспликации такой мимикрии можно обратиться к ещё одной связке понятий, предложенных Бартом. Речь идёт о двух семиотических вариантах – «тексте-удовольствии» и «тексте-наслаждении», которые воплощают циркулирующие в культуре и противостоящие друг другу начала. «Текст-удовольствие» отсылает к актуальным культурным максимам и «связан с практикой комфортабельного чтения» (Барт 1989: 471). «Текст-наслаждение», в отличие от своего антипода, «расшатывает исторические, культурные,

психологические устои читателя … и вызывает кризис в его отношениях с языком» (Барт 1989: 471). Предполагается, что при артикуляции «сильного» дискурса в «тексте-удовольствии» имеет место имитация «текста-наслаждения» для того, чтобы завладеть вниманием читателя.

Основное предположение исследования состоит в том, что присущая квазиметапсихологическому дискурсу специфика состоит в композиции риторических приёмов. Данный дискурс содержит концептуальные обещания, связанные с изменением картины мира читателя, однако в текстах-воплощениях происходит апелляция к уже существующим системам знания. Мы полагаем, что организация текста квазиметапсихологического дискурса содержит типичный для постсовременного общества призыв к потреблению, в данном случае к потреблению идей на рынке духовных услуг.

К описанию метода

Методические ориентиры, используемые в данном исследовании, - версии анализа дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф и критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу. Дискурс-аналитики предлагают семиотические решение, согласующееся с концепцией С. Жижека и состоящее в том, что фиксация смысла определяется положением, которое знаки (элементы) занимают друг относительно друга. Когда элементы артикулируются в дискурсе, они превращаются в так называемые моменты: сводя полисемию к минимуму, композиция знаков задаёт особое прочтение возникающей семиотической «ситуации». Символическая борьба между соперничающими системами знания кристаллизуется в узловых точках – «привилегированных знаках, вокруг которых упорядочиваются и приобретают своё значение другие знаки» (Филипс 2008: 57). Эмпирическая реализация отношений между элементами на уровне текста обеспечивается с помощью коллокативного значения, состоящего из «ассоциаций, вызываемых словом, при оценке значений слов, которые имеют тенденцию встречаться в его окружении» (Карпов 2000: 67). Методологический вклад подхода Н. Фэрклоу заключается в разработке техник переключения между очерченными уровнями анализа дискурса: учитывая, что рассмотрение текстов не ограничивается изучением их лингвистических аспектов, Фэрклоу принимал во внимание их интердискурсивную природу и трактовал текст в терминах пересечения различных дискурсов, жанров и стилей (Fairclough 2003: 37). Именно поэтому наряду с общей организацией текста, устанавливающей, каким образом расставлены повествовательные акценты (модальность – «степень близости (персонификации) и вовлеченности говорящего в свое высказывание» – и транзитивность – «связь событий и процессов с субъектами и объектами»), появляется необходимость изучить особенности конфигурации всех типов дискурса, сосуществующих в определенном социокультурном контексте, интертекстуальности («состояние, когда все коммуникативные события основаны на более ранних событиях») и интердискурсивности («артикуляция различных жанров и дискурсов в одном коммуникативном событии») (Филипс 2008: 128-129, 147-148). Кроме того, критический дискурс-анализ Н.Фэрклоу имеет и третий уровень, уровень социальной практики, связывающей текст как коммуникативное событие с недискурсивными особенностями и

позволяющей сформировать заключительные выводы исследовательского проекта, что даёт возможность упорядочить диалектические отношения между языковой практикой и ситуацией её возникновения.

К аналитическому рассмотрению были выбраны следующие тексты:

- «Трансерфинг реальности. Ступень 1. Пространство вариантов» В. Зеланда – выпущенная в 2004 году книга положила начало серии, включающей в себя 5 частей, а также многочисленным ответвлениям, развивающим идеи трансёрфинга;
- «Диагностика кармы. Книга 1. Система полевой саморегуляции» С. Лазарева – первая часть двенадцатикнижного учения (1993 год), переиздана в 2016 году;
- «Турбо-суслик. Как прекратить трахать себе мозги и начать жить» Д. Леушкина – вышедшая в 2009 году книга, которая получила два продолжения;
- «Возлюби болезнь свою» В. Синельникова – впервые изданная в 1999 году первая книга в обширной творческой биографии автора, включающей 29 книг.

Текстовый уровень воплощения квазиметапсихологического дискурса

В текстах квазиметапсихологического дискурса ярко выражены модальные и транзитивные значения. Важное место в арсенале авторских приёмов занимают вопросы (в частности, риторические), с помощью которых рушится стена, разделяющая автора и читателя, и выстраивается диалог. «Что же она, эта жизнь, такая жестокая и несговорчивая?»; «Унылая картина, не правда ли?»; «Разве вам самим не будет приятно, если кто-то вас любит просто так, ни на что не претендуя?»; «Разве вы когда-нибудь слышали, чтобы нормальный ответ страдал от чрезмерного веселья?» (Зеланд 2017: 18, 107); «Не многовато ли мы платим за горы старого дерьма в закоулках нашей памяти? Не пора ли сдавать его в утиль?» (Леушкин 2009: 45). Прибегая к вопросительным конструкциям, авторы создают нарративный импульс, вовлекают читателя в повествование и ведут его за собой по сюжетной канве. «Но как отличить надвигающуюся мель или водопад от нормального поворота в потоке? Ориентироваться в окружающем мире можно с помощью вполне осязаемых знаков. Мир постоянно подаёт нам эти знаки» (Зеланд 2017: 191); «Нужна ли такая клетка организму? Может ли клетка диктовать свои условия организму? Нет. Организм будет стремиться избавиться от неё, иначе такая клетка превратится в раковую» (Синельников 2018: 80).

Обращения и глагольные императивы создают в ткани текста положение автора на манер бартовского архетипа Автора, позволяют поддерживать дистанцию между ним и читателем, смещают перспективу с содержания на читателя. Вероятнее всего, это свидетельствует о консультативном характере книг, а также иллюстрирует для нас их соответствие постсовременному состоянию общества, направленность на помощь субъекту в мире «текучей современности». «*Не волнуйтесь*, это вещи совершенно другого уровня, в уме их нет, в уме есть только мусор и эго-дерьмо» (Леушкин, 2009: 51); «*Просите* прощения! *Признайте* тот факт, что *вы* поступили неправильно по отношению к кому-либо. *Покайтесь*

перед Всевышним» (Синельников, 2018: 69). В совокупности с другим структурообразующим средством – сложноподчинёнными предложениями с придаточным условия, которые предназначены для установления причинно-следственных связей, – авторы моделируют варианты развития событий и словно открывают текст для интерпретации читателя. «*Наберись* терпения, *дорогой Читатель*, всё не так просто, но постепенно картина начнёт проясняться»; «*Если вам* кто-то досаждает, *примерьте* на него модель деструктивного маятника, она наверняка придётся ему впору. *Если* не можете погасить "приставалу", тогда просто *не отвечайте* на провокации – *игнорируйте*» (Зеланд 2017: 46, 60).

Существуют и другие режимы воспроизводства авторского Я. Один из них – использование личных местоимений и глагольных форм первого лица множественного числа, обеспечивающих инклюзивность повествования и идентификацию автора с содержанием книги, что способствует сближению рассказчика и его аудитории. Это указывает на стремление к взаимодействию с читателем, или, по крайней мере, его имитацию в текстах квазиметапсихологического дискурса. «У *нас* нет оснований обижаться на свою судьбу, потому что *нам* дано право выбирать. Наша проблема лишь в том, что *мы не умеем* этого делать»; «*Посмотрим*, как маятники манипулируют своими приверженцами» (Зеланд, 2017: 33, 50); «*Проработали мы* её, и спрашиваем себя – а есть ли другие люди, которые были бы "против или имели бы своё мнение по поводу проблемы?"» (Леушкин 2009: 147); «А если *мы* с детства себя любим и также с любовью относимся к окружающим, то эта Сила даёт *нам* в жизни всё, что необходимо» (Синельников 2018: 131). Однако частое употребление местоимений первого лица единственного числа уточняет характер преобладающей субъектности в наррации, и принадлежит она именно Автору. «*Я* провёл четыре сеанса, и опять наступило полное излечение. *Я* был счастлив: медицина бессильна, лекарства не помогают, антибиотики не дают никакого эффекта, а *я* – помог» (Лазарев 1993: 34); «Как врач-терапевт, *я* определяю эту функцию следующим образом…» (Синельников 2018: 32).

Заслуживает внимания и ещё один текстовый прием для погружения в произведение. Чередуя прямые обращения и предложения с деперсонифицированным существительным «человек», Зеланд переключает нарративные ракурсы и даёт читателю возможность ощутить себя в двух состояниях – как субъекта практик предлагаемого им «трансерфинга», так и объекта описания. Более того, иногда авторы говорят устами читающего книгу человека, превращая, как бы сказали теоретики Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер, «слово в слова людей, их произносивших» (Адорно 1997: 207). Это позволяет привлечь в описания введённого постструктуралистами понятия «открытого текста» – результата сотворчества адресата и адресанта – точнее, его имитации: автор все-таки выступает в роли гида, сопровождающего читателя в движении по сюжетным коридорам. «Вы усмехнетесь про себя: "А, это ты маятник? Эге, сейчас ты меня не зацепишь"»; «… *Человек* действительно имеет возможность выбирать себе слой, что *он* (человек) и делает. Для *вас* уже постепенно проясняется картина, каким образом *он* (человек) это делает во вред себе» (Зеланд 2017: 84, 151). «Выглядит всё очень натуралистично, но

через три дня смотришь на это состояние и думаешь: боже, я что, идиот, как я мог на это повестись?» (Леушкин 2009: 61).

Пожалуй, самым филигранным риторическим приемом, используемым при выражении модальных и транзитивных значений, является попытка предвосхищения читательской логики и предоставления ответов на возникающие вопросы, порою внезапные и неочевидные. Подобные «мысли на опережение» позволяют обойти острые углы и возможные нестыковки на протяжении всей наррации. «“Ну, а как насчёт грудных детей, заражённых СПИДом? – спросит дотошный Читатель. – Они что, тоже излучают энергию перехода?” Во-первых, здесь мы рассматриваем вопрос об эпидемии как тенденции. Во-вторых, я и не пытаюсь доказать, что, дескать, никакого заражения нет, а есть только излучение мысленной энергии на частоте болезни» (Зеланд, 2017: 163); «А как же отучение от курения или алкоголизма, спросите вы? Посмотрите на бедолаг, прибегнувших к этому способу лечения: пить то они, может, и не пьют, но проблемы личности, которые были причиной питья, ведь никто не решил!»(Леушкин, 2009: 39).

Используемые средства речевой выразительности в текстах по большей части представлены метафорами и аллегориями, которые, как правило, имеют в своей основе ситуации из бытового опыта. Предположительно, такое решение связано с необходимостью перевода абстрактных идей на язык повседневного общения. «Как будто радость должна приходить не сама, а нужно её из себя выдавливать, словно пасту из тюбика»; «Ну, а современные концепции войны выглядят примерно следующим образом. В лесу на дереве висит пчелиное гнездо. Там живут дикие пчелы, добывают свой мед и растят своих деток. Но вот к гнезду подходит маятник и объявляет своим приверженцам: “Это дикие пчелы, они очень опасны, поэтому их надо уничтожить или, по крайней мере, разорить гнездо. Не верите? Смотрите!” Тут он начинает ширять в это гнездо палкой. Пчелы вылетают и принимаются жалить приверженцев. А маятник торжествует: “Вот видите, как они агрессивны! Надо их уничтожить”»; «Представьте, что вы – радиоприёмник. Каждый день вы просыпаетесь и слушаете ненавистную вам радиостанцию – мир который вас окружает. Так перестройтесь на другую частоту!» (Зеланд 2017: 18, 47, 59). Также в «Трансёрфинге» встречаются апелляции к лексике точных и естественных наук. Можно предположить, что отсылка к институционализированному научному знанию призвана придать вес раскрытым в книге идеям, сделав авторские притязания на истину более обоснованными. «… По аналогии вода в трубке – это пространство вариантов, а кристалл льда – материальная реализация вариантов. Молекулы – это люди, а их положение в структуре кристалла реализуется как вариант судьбы»; «Можно предположить, что этот потенциал будет притягивать желанный предмет к вам, подобно воздушным массам, которые устремляются из области высокого в область низкого давления…» (Зеланд 2017: 26, 106). В текстах-воплощениях квазиметапсихологического дискурса встречаются, помимо прочего, аллюзии на известные образы из мифологии и массовой культуры. «Подсознание – этакий персональный джинн…»; «При перепрограммировании в большинстве случаев не удаляются причины первоначальной проблемы. Образно говоря, мы пытаемся закрасить старые потрескавшиеся облезлые крашеные-перекрашенные стены новой

краской»; «Приведённая в данной книге система – это, метафорически, нечто типа той самой красной пилюли, которую Морфеус дал Нео, но дело в том, что “Навуходоносора” на самом деле не существует»; «Постепенно вы будете таким образом расчищать авгиевы конюшни ума» (Леушкин 2009: 33, 74, 171); «Нынешнее человечество … подобно кораблю, команда которого перессорилась, капитан отсутствует, в днище пробоины и неисправен двигатель… корабль идёт на рифы, так что даже ремонт двигателя без изменения курса не может спасти корабль и его команду»; «Болезнь – не лавина, которую можно убрать, расчистив участок, болезнь – вода, текущая из крана, и в первую очередь нужно закрыть кран, устранив причину болезни» (Лазарев 1993: 3, 69). Например, метафорика текстов Синельникова отсылает читателя к миру непроблематичного повседневного знания и популярным культурным сюжетам -«Подсознание подобно подводной части айсберга»; «Гордыня – это своеобразная гидра с тридцатью головами» (Синельников 2018: 37, 183).

Характерной чертой квазиметапсихологического дискурса можно считать оперирование датами и значениями статистических показателей без предварительного объяснения логики их расчёта. С помощью подобной эрзац-статистики в повествование привносится конкретика, обеспечивающая иллюстративность и подтверждающая теоретические доводы. «С июня 1987 года в информационно-энергетических структурах Земли произошли существенные негативные изменения…»; «Женщина, не противостоящая сознательно своей внутренней агрессии, причиняет вред собственной психике на два процента, но если через год-два у неё появится ребенок, то искажения его психики могут достигать восьмидесяти процентов…»; «… значение параметра подсознательной агрессии должно быть отрицательным… Тестирую известный мультфильм “Том и Джерри”: сознательная агрессия – ноль, подсознательная – плюс восемьдесят… “Ну погоди” – плюс двадцать и минус сто двадцать» (Лазарев 1993: 184-188); «Где-то я видел статистику, что в среднем около 85% семей в США – это дисфункциональные семьи»; «95% болезней имеют психическую природу – как раньше говорили (и совершенно правильно), “все болезни от нервов”» (Леушкин 2009: 42, 44).

Интересный для интерпретации дискурсивный признак – способ поддержания герметичности учения и его защиты от критики. Например, Зеланд заранее очерчивает границы необходимой информации и отсекает те области, которые, по его мнению, не являются обязательными для изучения. Именно поэтому некоторые вопросы в тексте остаются без ответа как избыточные и иррелевантные. «Мы не будем гадать, каким образом эта информация хранится – для наших целей это не имеет никакого значения»; «Давайте только сразу условимся не мучить себя вопросами, почему и каким образом это работает. С таким же успехом ребёнок может спросить у физика: “Почему тела притягиваются друг другу?” Ученый ответит: “Потому что действует закон гравитации”. На это последует новый вопрос: “А почему действует закон гравитации? Все-таки почему же тела притягиваются?” Ответа нет. Вот и оставим это неблагодарное занятие – что-то объяснять…» (Зеланд 2017: 25, 37). Примечателен и другой способ: в «Диагностике кармы» Лазарев предупреждает о риске, которому подвергает себя человек, не

обладающий необходимыми компетенциями для применения его методик. В результате, обособляясь от «профанного» читателя, автор сакрализует свое учение: «не советую никому, прочитав книгу, стремиться сделать то же самое. Это опасно не только для человека, который легкомысленно попытается повторить мой опыт, но и для его родственников»; «Ещё раз предупреждаю всех энтузиастов: метод сложен и крайне опасен» (Лазарев 1993: 5, 213). Кроме того, апеллируя к сознательности читателя и советуя ему опробовать на себе эффективность описанных в книге методик, авторы защищают учение под маской отказа от каких-либо попыток его протекции. «Хочу ещё раз подчеркнуть – не воспринимайте книгу как истину. Если вы не согласитесь с какой-то моей мыслью, то поставьте на полях знак вопроса и продолжайте читать дальше. Относитесь к описываемой модели как к набору инструментов для помощи самому себе. Ведь никто лучше вас самих не сможет разобраться в ваших проблемах» (Синельников 2018: 20). Ещё один автор – Д. Леушкин – заранее уведомляет читателей, что у него нет желания защищаться от критики и выслушивать претензии в свой адрес. Таким образом, обеспечивая герметичность, он ставит читателя перед выбором, принимать их «на веру» или, игнорируя содержание книги, не принимать вовсе и искать ответы и решения в других источниках: «менять свою жизнь или нет – ваше личное дело, и мне совершенно наплевать, будете вы и дальше сидеть в заднице, или вылезете из неё. Я не собираюсь никого ни в чём убеждать или уговаривать. Я не собираюсь ни с кем ни о чём спорить, доказывать правоту того, что я делаю, или эффективность предлагаемых методик. Либо берёте и делаете, либо нет» (Леушкин 2009: 19).

Дискурсивный уровень воплощения квазиметапсихологического дискурса

Для выявления логики построения картины мира в первую очередь следует перечислить перечень ключевых понятий, составляющих дискурс. Ориентирование на теорию С. Жижека предполагает, что «идеологическое пространство содержит несопряженные, несвязанные элементы – “плавающие означающие”, сама идентичность которых “открыта” и предопределяется их сочленением в цепочки с другими элементами», поэтому дискурсивно значимые маркеры были объединены в смысловые группы (Жижек 1999: 93). В рассмотренных текстах соединение идеологически значимых элементов может быть описано с помощью смысловых цепочек, сопряженных с общей узловой точкой «человек»:

- В. Зеланд: «Пространство вариантов – линия жизни – энергия мыслей – деструктивные маятники – избыточный потенциал – равновесные силы»;
- С. Лазарев: «Этика – биоэнергетические поля – кармические структуры – судьба – здоровье»;
- Д. Леушкин: «Эго – заряд – ментальное дерьмо – полярности – маятники – свобода»;
- В. Синельников: «Реальность – модель реальности – подсознание – мыслительная энергия – здоровье».

В этих терминах концептуализируется ряд проблем, формирующих общий фон существования человека, например, чувство вины, ненависть,

неуверенность в себе, раздражение, зарабатывание и нехватка денег, «проблема отцов и детей» и т. д. Некоторые тезисы перекликаются с философской и социологической мыслью, например, с воззрениями представителей социального конструктивизма, а также с теорией Жана Бодрийяра, указывавшего на симулятивность природы многих общественных процессов. «Каждый из нас с самого рождения под воздействием родителей, взрослых, учителей, окружающей среды конструирует свою реальность, свой мир»; «Между самой РЕАЛЬНОСТЬЮ и нашим миром (описанием Реальности) неизбежно существует большая разница»; «Вот она, великая иллюзия! Мы с детства учимся принимать описание мира за ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ» (Синельников 2018: 24, 30, 32). Заметно включение в текст христианских постулатов и гуманистических ценностей, индивидуалистских идей ответственности и принципов позитивного мышления – все это позволяет сказать, что при создании текста автор опирается на уже получившие распространение в общечеловеческой системе знания максимы. Не менее важным аспектом идеологии является популярная в эзотерике сентенция о материальности мыслей, фраза-рефрен «человек получает то, что выбирает» преподносится как девиз «Трансёрфинга»: «включайте в себе позитивные мысли. Не думайте о том, чего вы не смогли достичь, – думайте о том, чего хотите добиться, и получите это» (Зеланд, 2017: 77); «Первое, что нужно сделать, – ЭТО ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ»; «Вера, Надежда, Любовь – это три добродетели, три составляющих успеха в вашей жизни» (Синельников 2018: 128, 150).

Другие вводимые авторами фразовые обороты, такие как «синяя птица счастья», «внутренний Смотритель» и «сдача себя в аренду», также отсылают к уже существующим культурным образам и фразам. В частности, идея представления внутреннего мира как чего-то материализованного и антропоморфного широко известна и активно используется, будь то классика постмодернистской художественной литературы («внутренний мент» в «Чапаеве и пустоте» В. Пелевина) или же эротические романы-бестселлеры («внутренняя богиня» в цикле романов Э. Л. Джеймс).

Таким образом, специфическое прочтение общеизвестных идей, оформленное в оболочку учений, преподносится и усваивается в качестве оригинальной идеологии. Данные особенности, на наш взгляд, свидетельствуют об энкратичности дискурса текста, его артикуляции «в свете (или под сенью) Власти» (Барт, 1989). В то же время книги позиционируются как «текст-наслаждение»: в синопсисах читателю обещано «разрушение привычного мировоззрения», возможность «реально изменить свой характер, здоровье и судьбу» и т.д., что на первый взгляд рассматривается как признак «текста-наслаждения», который «расшатывает исторические, культурные, психологические устои». Однако обнаруженные особенности скорее демонстрируют принадлежность к «тексту-удовольствию», отсылающему к уже закреплённым в культуре идеологемам, «воплощению благоразумия, конформности и плагиата» (Барт 1989: 471).

Рассуждая о тексте, Р. Барт отмечал его неизбежную связь с уже выпущенными произведениями, обеспечивающими «пространственную множественность означающих», которые создают остов для нового

произведения (Барт 1989: 417). Высокая степень интердискурсивности/интертекстуальности характерна и для рассматриваемого нами текстового материала. Это проявляется в виде переплетения многочисленных стилей и жанров, не всегда согласующихся между собой, но сосуществующих на страницах книги. Интердискурсивный уровень текстов «соткан» из научно-популярного (с поправкой на статус знания), публицистического и разговорного (в частности – анекдотов) дискурсов. Сопровождая рассказ примерами из собственной практики (в том числе – в форме диалогов) и выдержками из сакральных текстов и авторитетных источников, авторы преподносят идейные принципы существования в эпоху «текучей современности» – «действовать в соответствии с прецедентами и признавать мудрость накопленного опыта» (Бауман 2008: 166-167). В текстовой композиции присутствуют элементы дискурса художественной литературы. «Так, барахтаясь в этих невесёлых мыслях, я вышел к морю. Маленькие волны злобно кусали песчаный берег. Море недружелюбно дуло на меня холодной сыростью. Жирные чайки лениво ходили по берегу и клевали какую-то гниль. В глазах была холодная чёрная пустота. Там будто отражался весь окружающий меня мир, такой же холодный и враждебный» (Зеланд 2017: 11); «Однажды, встречая рассвет, я стоял у самой воды и долго смотрел на ту солнечную дорожку, которая протянулась от солнца к моим ногам. Зрелище завораживающее. Солнечные блики и шум моря притягивают и гипнотизируют. Так и хочется пойти по ней к самому солнцу…» (Синельников 2018: 84). Примечательно, что в некоторых произведениях план выражения формируется с помощью использования не только разговорной речи, но и грубо-просторечной лексики, которая, вероятно, выполняет роль языковой взрывчатки, «вызывающей кризис в его (читателя) отношениях с языком» (Барт 1989: 471). «Вот вам и реальная “карма рода” в действии – ментальное дерьмо ваших родителей передалось вам, а им оно досталось в подарочек от их родителей, и т.д.»; «Не факт, что вы начнёте после слива “я и умение играть на скрипке” фигачить как Паганини» (Леушкин 2009: 43, 156).

Отдельного внимания заслуживает значительно выраженная интертекстуальность произведений, представляющих собой своеобразный пространственно-временной паноптикум, который связывает воедино героев различных нарративов и эпох. Так, например, в подобном водовороте персонажей и идей специалисты по саморазвитию и самопомощи (Уэйн Даер, Луиза Хей) соседствуют с психологами (Станислав Гроф, Ларри Нимс), известные писатели (братья Стругацкие, Виктор Пелевин) – с обитающими на просторах интернета поэтами и писателями (Владимир Горохов, Сурат), английские пословицы («The proof is the pudding») сменяются гавайскими техниками прощения («Ho’oponopono») и выдержками из книг Карлоса Кастанеды с афоризмами его духовного наставника дона Хуана. Более того, авторы отсылают читателей к популярным буддистским концептам, а также активно обращаются к содержанию (около-) религиозных текстов: христианского Евангелия, индуистских Вед, а также притч об Аллахе и дзенских коанов. «Следует отметить, что интеграция личности происходит одновременно с увеличением её “пустотности”… С одной стороны, практикующий ощущает на всё возрастающую целостность и

нераздробленность, а с другой – всё увеличивающуюся “пустотность”» (Леушкин 2009: 53); «Не оставляйте в себе места проблеме. Будьте по отношению к ней пустыми»; «Наши мысли всегда возвращаются к нам бумерангом» (Зеланд 2017: 69, 79).

При анализе книги в фокус исследователей попал и создаваемой авторами сюжет, посвящённый противостоянию институционализированного научного знания со знанием «андеграундным», к которому могут быть причислены и рассматриваемые источники. Так, В. Зеланд критически отзывается о науке, но в то же время уверяет читателя, что предлагаемые им «практики провала и гашения маятника известны психологам и психотерапевтам как профессиональные приёмы» (Зеланд 2017: 67). В. Синельников подвергает критике институционализированное знание, противопоставляя «господствующую модель в медицине» «новой модели медицины доктора Синельникова». Таким образом, в текстах реализуется характерный для квазиметапсихологического дискурса сюжет. Он состоит в попытке ускользания от нормализующего эффекта, который исходит от властных институций, имеющих отношение к распределению знания и к экспертной оценке его достоверности. «Постепенно я пришёл к открытию, что официальная медицина не исцеляет больных. Она лишь облегчает страдания больного»; «Медицина – это театр абсурда!» (Синельников 2018: 12, 53). В книге «Турбо-суслик» пренебрежительно-критический обертон приобретают и суждения об эзотерическом знании. В качестве предположительной причины разворачивания такой позиции может быть необходимость не только утверждать своё учение на всём ландшафте распространения знания, но и получать доступ к его альтернативным каналам. «Увы – никто из важных учёных людей ни разу не видел это самое “подсознание” в глаза, не измерял его, а все разговоры о подсознании в современной науке как были, так и остаются на уровне догадок, предположений и пересказывания чужих книг, не более того»; «В принципе, такого рода технологии не новы для многих “адептов” разных шизотерических направлений, использующих “ньюэйджевские” штучки» (Леушкин 2009: 32, 78). Вероятно, подобный ход – попытка привлечения читателя на свою сторону в идеологический борьбе различных систем знания.

Социальный уровень воплощения квазиметапсихологического дискурса

Тексты квазиметапсихологического дискурса – ответ авторов институционализированным каналам распространения знания, в которые изначально вшиты отношения администрирования и контроля. В попытке эмансипации от стигмы, налагаемой на них доминирующим дискурсом науки, авторы «маргинальной» литературы вынуждены заявлять о себе вопреки, а не благодаря институционализированному научному знанию. Отсюда и тезис о его деструктивном характере. «Маятники фундаментальной науки, не желая расписаться в своём бессилии, не воспринимают подобные явления всерьёз» (Зеланд 2017: 174).

Примечательная черта подобных текстов состоит в том, что авторы

диагностируют состояние российского общества своего времени, очерчивая наступление парадигмального сдвига, подобного движению «модерн – постмодерн». «Свод законов и правил, который во все века существовал в обществе, оберегал от разрушения самые тонкие полевые структуры людей. Сейчас мы всё это растеряли» (Лазарев, 1993: 75). Присутствие оценочных суждений в тексте сообщает о том, что автор декларирует свою позицию как протест против буржуазной культуры и «насаждаемых» ценностей глобализирующегося мира: «все мы, будучи увлечены благами цивилизации, остаёмся детьми, для которых ярко раскрашенная игрушка бывает намного важнее необходимых и жизненно важных вещей»; «Большинство работ западных философов имеют низкую духовность и высокий уровень агрессии»; «А теперь представим себе нашу современницу, обруганную в очередях, придавленную в транспорте, “отдохнувшую” на очередном западном видеофильме…»; «Слепое следование западным тенденциям в искусстве усугубляет экономическую разруху России – ещё и духовным распадом»; «В России сейчас нет цивилизации, но есть колоссальный потенциал. Мне стало понятно пророчество многих ясновидцев, утверждавших, что спасение придёт из России» (Лазарев, 1993: 106, 188, 189, 190, 192). Включение религиозного дискурса, а также близость текущим идеологическим российским тенденциям, например, связанным с отношением к гомосексуализму («Гомосексуализм может возникнуть как попытка компенсировать умирающую любовь одного человека к другому… Но это болезнь, это отклонение от нормы, это результат того, что в нас умирает любовь»), свидетельствуют об энкратичности текста, причастности (или же имитации причастности) дискурса к «славянофильской» идеологии. В совокупности это создаёт эффект «двойного удовольствия» от текста, так как автор отсылает читателя и к постмодерным индивидуалистским идеям, и к условно- модерным, «славянофильским», что сообщает картине мира читателя амбивалентные настроения (Лазарев, 1993: 136).

Снабжая человека готовыми решениями, призванными к примирению внутренних разногласий, авторы диагностируют состояние современного общества, а также указывают на важность рефлексивности в условиях быстро меняющегося индивидуализированного мира. Помимо того, в текстах прослеживаются идейные составляющие неомарксистской теории в доступном изложении. «Увы, увы, увы… Больное общество, составленное из больных членов, воспитывает новых больных членов, наполняя их умы с раннего детства ненавистью, неверием, страхами и ограничениями. С точки зрения социума как метаорганизма, это – наилучшая стратегия, так как “на выходе” мы имеем довольно-таки послушных зомби-рабов, которые служить своему “хозяину” – социуму» (Леушкин, 2009: 50).

Проведенный анализ позволяет выдвинуть предположение о том, что эффект квазиметапсихологического дискурса состоит в снижении внутренней неопределённости с помощью броских сентенций. Подобные тексты актуализируют фантазм, который заключается в возможности «распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению», нивелируя давление, связанное с индивидуализацией современной жизни (Бауман, 2005). Специфические черты, выявленные в ходе анализа выбранных текстов, показывают, что рассматриваемый тип дискурса представляет собой

своеобразный постмодернистский пастиш, о чем свидетельствуют яркая выраженность интертекстуальности и интердискурсивности. Интертекстуальность квазиметапсихологического дискурса иллюстрирует калейдоскопичность мира «текучей современности», множественных встреч и сосуществования идеологем различных нарративов и эпох. «Сила» данного дискурса, таким образом, заключена в упомянутых характерных чертах, в качестве общей тенденции – в мимикрии «текста-удовольствия» под «текст-наслаждение», «закрытого произведения» под «открытое», энкратического языка под язык акратический.

Дальнейшего осмысления заслуживает сочетание риторических приемов по конструированию авторского «Я» и интердискурсивности с постмодерной сюжетностью, что говорит о связи риторики и подачи с транслируемыми в текстах идеологиями и картинами мира. Предположительно, специфика артикуляции квазиметапсихологического дискурса состоит в «когерентности идейного содержания и стиля» (Чудова, 2014: 165).

Сводная таблица показывает характерные черты и приемы, присущие квазиметапсихологическому дискурсу, и некоторые вариации в рассмотренных текстах:

Аспект анализа дискурса/ Название работы	**«Трансёрфинг реальности»**	**«Диагностика кармы»**	**«Турбо-суслик»**	**«Возлюби болезнь свою»**
Роль автора в повествовании	Активное участие, мимикрия под «открытый текст»	Акцентированная субъектность	Активное участие, мимикрия под «открытый текст»	Активное участие, мимикрия под «открытый текст»
Текстовая артикуляция дискурса (использование средств речевой выразительности)	Метафоры и аллегории (перенос смысла на основе аналогий из повседневного опыта)	Метафоры (перенос смысла на основе аналогий из повседневного опыта); Разделение ткани текста на два слоя.	Метафоры, аллегории и фразеологизмы (перенос смысла на основе аналогий из повседневного опыта и известных культурных сюжетов);	Метафоры (перенос смысла на основе аналогий из повседневного опыта); Разделение ткани текста на два слоя, синтаксический параллелизм.
Основные идеологемы	Позитивное мышление, концепт материальности мыслей	Позитивное мышление, христианские добродетели, концепт материальности мыслей и кармы рода	Самопрограммирование, концепт материальности мыслей, концепт кармы рода (в несколько трансформированном виде)	Концепт материальности мыслей, христианские добродетели, позитивное мышление, рефрейминг, НЛП

Общий дискурсивный контекст	Сочетание научно-популярного, научного, разговорного и художественного дискурса; Высокая интертекстуальность.	Сочетание научно-популярного, разговорного, медицинского и христианского дискурса; Высокая интертекстуальность.	Сочетание разговорного (грубо-просторечного) и рекламного дискурса; Высокая интертекстуальность.	Разговорный (грубо-просторечный) дискурс с добавлением рекламного; Высокая интертекстуальность.
Способ обеспечения герметичности учения	Ускользание	Запугивание	Безразличие	Защита в отказе от защиты

Список литературы:

Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты / Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер. Пер. с нем. М. Кузнецова. - СПб.: Медиум, 1997.

Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика (Электронный ресурс) / Пер. с фр., сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М: Прогресс, 1989. Режим доступа: <https://redpsychology.wordpress.com/2013/11/23/ролан-барт-война-языков>.

Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. - М.: Прогресс, 1989.

Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, 1994. №. 4. С.69-80.

Бауман З. Текучая современность. - СПб.: Питер, 2008.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. -М.: Художественный журнал, 1999.

Зеланд В. Трансёрфинг реальности. Ступень I: Пространство вариантов / СПб.: ИГ «Весь», 2017.

Карпов А. Е. Объяснение, семантика и коммуникативное действие: учебное пособие / Сост. И ред. А. Е. Карпов. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2000.

Лазарев С. Н. Диагностика кармы. Книга первая. Система полевой саморегуляции / СПб.: АО Сфера. 1993.

Леушкин Д. Турбо-Суслик. - СПб.: ИГ «Весь», 2009.

Мур Б. Э., Файн Б. Д. Психоаналитические термины и понятия: словарь. - М.: Независимая фирма «Класс», 2000.

Синельников В. Возлюби болезнь свою. - М.: Центрполиграф, 2018.

Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. - London: Routledge, 2003.

Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. - М.: Гуманитарный центр, 2008.

Чудова И. А. Работают ли постмодернистские идеи о знании при различении методологических подходов в социологии? // Вторые Давыдовские чтения, М.: ИС РАН, 2014. С.151-170.

Чудова Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), dauza@mail.ru

Мальцев Михаил – магистр социологии, Высшая школа экономики (г. Москва), mtkd96@gmail.com